

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 75–78. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 75–78. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN HRFJFO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-75-78>

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РЕЦЕПЦИИ И.А. БРОДСКОГО (на материале поэмы «Речь о пролитом молоке»)

Федотова Анна Александровна, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема рецепции советского дискурса в раннем творчестве И.А. Бродского. Материалом для анализа выступает неизученная с этой точки зрения поэма «Речь о пролитом молоке» (1967). В статье используется традиционная методика комплексного филологического анализа текста, а также интертекстуальные и рецептивные методы исследования литературного произведения. В ходе работы выявляются основные мотивы текста, связанные с актуализацией писателем положений советской идеологии, в частности с рецепцией Бродским работ К. Маркса. Автор статьи приходит к выводу, что, прибегая к иронии, Бродский полемизирует с центральными положениями советского дискурса. Советское понимается Бродским главным образом как торжество коллективного над индивидуальным, и с так понимаемой им властью безличного большинства поэт не может согласиться. Альтернативой охлократии, власти толпы, в поэме выступает глубоко личный религиозный поиск лирического героя. Социальное уступает место метафизическому, и заканчивается поэма надеждой и утверждением возможности индивидуального диалога с Богом, а уже потом – с ближними. В статье доказывается, что поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное смысловое единство, семантика которого строится на вовлечении и переосмыслении нескольких дискурсивных систем, прежде всего советской и христианской.

Ключевые слова: И.А. Бродский, «Речь о пролитом молоке», рецепция, советский дискурс, К. Маркс, ирония, интертекстуальность.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А.А. Советская идеология в рецепции И.А. Бродского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 75–78. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-75-78>

Research Article

SOVIET IDEOLOGY IN THE RECEPTION OF JOSEPH BRODSKY (in terms of the poem «Speech over Spilled Milk»)

Anna A. Fedotova, Doctor of Philological Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Russia, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Annotation. The polemical problem of the Soviet discourse reception in the creative work of young Joseph Brodsky is analysed in this article. What acts as the material for analysis is the 1967 poem «Speech over Spilled Milk», which is not yet studied from this point of view. The traditional methods of the complex philological analysis of the text, as well as intertextual and receptive methods of researching the literary work are used in the article. The main motifs of the text, related to the actualisation of the Soviet ideology by the author, in particular, the reception of Karl Marx's works by Joseph Brodsky, are revealed in the course of the work. We conclude that, by resorting to irony, Joseph Brodsky is polemicising with the central tenets of Soviet discourse. Joseph Brodsky understands «Sovietness» mainly as the triumph of collectivism over individualism, and the poet has no wish to be led by the impersonal majority, as long as he understands the notorious Soviet regime in this way. What emerges in the poem as an alternative to ochlocracy, the power of the mob, is the lyrical hero's deeply personal God-seeking. Social gives way to metaphysical, and the poem ends with the hope of affirming the possibility of an individual dialogue with God, while the thesis of «loving neighbour» is not that important. It is proved in the article that the poem «Speech over Spilled Milk» by Joseph Brodsky is a complex semantic unity, built on the involvement and reinterpretation of several discursive systems, above all Soviet and Christian ones.

Keywords: Joseph Brodsky, «Speech over Spilled Milk», reception, Soviet discourse, Karl Marx, intertextuality, irony.

Acknowledgement. The research is conducted for the cost of the Russian scientific fund's grant No 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A.A. Soviet ideology in the reception of Joseph Brodsky (in terms of the poem «Speech over Spilled Milk»). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 75–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-75-78>

Творчество И.А. Бродского активно привлекает внимание современных исследователей. Публикуются воспоминания и биографии автора [Лосев], работы, посвященные анализу поэтики [Ахапкин; Богданова, Власова; Бурая; Бурая, Богданова; Как работает стихотворение; Ранчин; Чаунина] и содержательных основ его творчества [Янгфельдт]. Между тем объем и глубина наследия Бродского приводят к выводу о достаточном количестве малоизученных или вовсе не изученных проблем его творчества. Так, темой отдельного исследования до сих пор не выступала рецепция автором советского дискурса.

Отношение И.А. Бродского к официальной советской идеологии было непростым. Уже в 1960 г. двадцатилетний поэт попадает в поле зрения Ленинградского отделения комитета государственной безопасности. В ноябре 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» выходит статья «Окололитературный трутень», которая дала начало открытой травле и преследованию Бродского, закончившимися его арестом, ссылкой, а впоследствии вынужденной эмиграцией. Между тем неприятие советского никогда не выражалось в поэзии Бродского открыто; осмысляя те или иные явления советской идеологии, поэт старался быть предельно объективным и рассматривать различные грани советского непредвзято.

Показательным примером подобного подхода выступает небольшая поэма Бродского «Речь о пролитом молоке», которая имеет точную авторскую датировку – 14 января 1967 года. Приближаясь к точке зрения внешнего наблюдателя, поэт буквально в первых строфах произведения дает характеристику исторического времени как общества всеобщего благоденствия:

То есть все основания быть спокойным.

Никто уже не кричит: «По коням!»

Дворяне выведены под корень.

Ни тебе Пугача, ни Стеньки.

Зимний взят, если верить байке.

Джугашвили хранится в консервной банке

[Бродский: 180–181].

В этом кратком и ироническом историческом «экскурсе» Бродский не только исторически обосновывает торжество советского общества, но и словно дает точный снимок эпохи написания поэмы. Конец 1960-х был, действительно, временем относительного благополучия, периодом хрущевской оттепели и торжества технического прогресса: совсем незадолго до даты создания текста было совершено одно из важнейших достижений Советского Союза: 12 апреля 1961 года произошел первый полет чело-

века в Космос. Поэт перечисляет основные достижения коммунистического общества (видимую победу над неравенством и дворянским классом, отсутствие народных волнений, наконец, поражение тоталитаризма), которые, как может показаться, действительно привели к состоянию, охарактеризованному Бродским как «жизнь вокруг идет как по маслу».

Единственным отдельным индивидуумом, который оказывается вырван из подобного общества благоденствия, выступает в поэме сам лирический герой. В отличие от многих произведений Бродского, в которых образ лирического героя явно не показан, «Речь о пролитом молоке» предельно эмоциональна и автобиографична. Уже в первой части поэмы задается контраст личного и общественного, который в дальнейшем будет пронизывать весь текст произведения:

Я факта в толк не возьму простого,
как дожил до Рождества Христова
Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого.
Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немного.

Жизнь вокруг идет как по маслу.

(Подразумеваю, конечно, массу.)

Маркс оправдывается. Но, по Марксу,
давно пора бы меня зарезать.

[Бродский: 180]

Бросается в глаза, что, при наличии точной датировки, Бродский еще раз подчеркнул дату создания поэмы – уже в самом ее тексте. Выделяя каждый год с заглавной буквы, поэт снова и снова напоминает читателю о важности для него конкретного исторического времени. Важнейшим синонимом советского с первых строф произведения выступает понятие коллективного, выраженное образом «массы». С помощью изящной паронимической аттракции «масса – Маркс» это коллективное получает индивидуальное имя. Кажущееся торжество социалистической советской идеологии («Маркс оправдывается»), между тем, вступает в противоречие с бытием отдельного индивида, и трагизм ситуации усугубляется тем, что этим отдельным индивидом оказывается сам лирический герой. Личная история поэта и общая история народа составляют явный диссонанс.

Полемика с основными положениями советского идеологического дискурса пронизывает собой центральную часть поэмы. Бродский оспаривает лозунг великой французской революции 1789 года «Свобода, равенство, братство» в парадоксальной на первый взгляд фразе «Равенство, брат, исключая»

ет братство» [Бродский: 181]. Это выражение поэта становится понятным из общего контекста поэмы, в котором под равенством понимается всеобщее обезличивание, власть толпы, которое, по мысли Бродского, абсолютно несовместимо с «братством», то есть свободным союзом уникальных личностей. В свойственной поэме афористичной манере Бродский заключает: «Рабство всегда порождает рабство. Даже с помощью революций» [Бродский: 181].

Поэт развернуто обосновывает несколько видов рабства, в которое добровольно отдают себя члены современного ему общества. Первое из них – это власть «капитала». Бродский неоднократно упоминает этот столь важный среди советских идеологем термин, неотделимый от трудов классика политэкономии – Карла Маркса, чье имя тоже несколько раз прямо упоминается в поэме.

К нам не плывет золотая рыбка.
Маркс в производстве не вяжет лыка.

<...>

Пробил час и пора настала
для брачных уз Труда – Капитала.
Блеск презираемого металла...
приятней, чем пустота в карманах,
проще, чем чехарда тиранов,
лучше цивилизации наркоманов,
общества, выросшего на шприцах.

[Бродский: 182–183]

Антагонизм труда и капитала, как известно, является краеугольным камнем теории Карла Маркса. Уничтожение отчужденного труда и, следовательно, переход от частной собственности к собственности общечеловеческой или общественной выступает как одно из принципиальных положений в философии и экономике марксизма. Исходя из современных ему общественных реалий, Бродский полемизирует с этим положением Маркса и прямо утверждает, что власть денег или, в образной форме, «союз» и даже – еще теснее – «брачные узы» труда и капитала стали краеугольным камнем развития цивилизации.

Неслучаен в этой строфе и образ «цивилизации наркоманов». Помимо власти денег, второй движущей силой современного общества стала погоня за удовольствиями, что Бродский метафорически обозначает как «общество, выросшее на шприцах». Умножение денег и умножение удовольствий – та игла, на которую «подсажены» сегодняшние люди.

Положительным полюсом власти безличного большинства, которая оборачивается властью капитала или властью удовольствий, в поэме выступают личные религиозные поиски лирического героя. Лейтмотивом поэмы является одна и та же ситуация, троекратно повторяющаяся в первой, центральной и заключительной частях поэмы:

Ночь. Шуршание снегопада.
Мостовую тихо скребет лопата.
В окне напротив горит лампада.
Вижу только лампаду. Зато икону
я не вижу.

[Бродский: 181]

Ночь. Переулок. Мороз блокады.
Вдоль тротуаров лежат карпаты.
Планеты раскачиваются, как лампы,
которые Бог возжег в небосводе
в благоговенье своем великом
перед непознанным нами ликом
(поэзия делает смотр уликам),
как в огромном кивоте.

[Бродский: 187]

Грустная ночь у меня сегодня.
Смотрит с обоев былая сотня.
Лень отклеивать, суетиться.
Остается тихо сидеть, поститься
да напротив в окно креститься,
пока оно не погасло.

[Бродский: 190]

Социальная проблематика, которая главенствует в поэме, как это часто бывает у Бродского, неожиданно разворачивается в проблематику метафизическую. Во фрагментах, значительно удаленных друг от друга в тексте поэмы, если взглянуть на них в единстве, прослеживается очевидный параллелизм. Зимний пейзаж в лирике поэта обычно обладает негативной семантикой, указывая на неподвижность и смерть, и здесь данный смысл поддерживается фразой «мороз блокады». Однако контрастом замороженному миру является затепленный огонек лампы. Символика света в данном контексте очевидна и связана с надеждой на будущее, в которое устремлен лирический герой.

Показателен и тот факт, что поэтом последовательно подчеркивается непознанность для него Бога («Зато икону я не вижу», «перед непознанным нами ликом»), которая создает атмосферу особенно напряженного религиозного поиска: душа лирического героя жаждет и стремится к Богообщению. По сравнению с первыми двумя обращениями к ситуации у окна с горящей напротив лампадой, в третьей сцене наблюдается градация. «Остается тихо сидеть, поститься да напротив в окно креститься, пока оно не погасло» – созерцание сменяется активным религиозным действием, ведь крест – это телесная молитва. Горизонталь (взгляд от окна – к окну) вдруг оборачивается вертикалью внутреннего измерения стремящегося к Богу человека.

Поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное смысловое единство, семантика которого строится на вовлечении и переос-

мыслении нескольких дискурсивных систем, прежде всего советской и христианской. Для поэмы характерна индивидуально-авторская трактовка христианской символики, в частности символики света. Прибегая к иронии, Бродский полемизирует с центральными положениями советской идеологии, например с марксистской теорией об антагонизме труда и капитала, с идеей о приоритете общественной собственности над частной. Советский дискурс понимается Бродским главным образом как торжество коллективного над индивидуальным, и с так понимаемой им властью безличного большинства поэт не может согласиться. Альтернативой охлократии, власти толпы, в поэме выступает глубоко личный религиозный поиск лирического героя. Социальное уступает место метафизическому, и заканчивается поэма надеждой и утверждением возможности индивидуального диалога с Богом, а уже потом – с ближними.

Список литературы

Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.

Богданова О.В., Власова Е.А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001. 440 с.

Бурая М.А., Богданова О.В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.

Бурая М.А. Стихотворение «Presepjo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.

Как работает стихотворение Бродского. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 304 с.

Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва: Молодая гвардия, 2008. 479 с.

Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.

Чаунина Н.В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.

Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва: Астрель: CORPUS, 2011. 367 с.

References

Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo [“Light Sources” by Joseph Brodsky]. Zvezda [Star], 2018, No. 5, pp. 37–56. (In Russ.)

Bogdanova O.V., Vlasova E.A. «Inогда чувствую себя Шекспиром...» (intertekstual'nye plasty «Piligrimov» I. Brodskogo) [“Sometimes I feel like Shakespeare...” (intertextual layers of I. Brodsky's “Pilgrims”)]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 2021, No. 8, pp. 129–148. (In Russ.)

Brodskiy I. Sochineniya Iosifa Brodskogo. T. 7 [The Writings of Joseph Brodsky, vol. 7]. St. Petersburg, Pushkin Foundation Publ., 2001, 440 p. (In Russ.)

Buraja M.A., Bogdanova O.V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo [The super-text unity of the Christmas, Italian and love pretexts in “I was only what” I. Brodsky]. Verhnevolskiy filologicheskij vestnik [Upper Volga Philological Bulletin], 2022, No. 2, pp. 17–27. (In Russ.)

Buraja M.A. Stihotvorenie «Presepjo» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo [The poem “Presepjo” in the context of the Christmas cycle by I. Brodsky]. Acta eruditorum, 2021, No. 37, pp. 6–16. (In Russ.)

Chaunina N.V. Osobennosti voploshcheniya kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» [Features of the implementation of communicative strategies in the poem by I. Brodsky “Speech about spilled milk”]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 2019, No. 6, pp. 232–241. (In Russ.)

Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zаметки об Iosife Brodskom [Jazyk est' Bog. Zаметки об Iosife Brodskom]. Moscow, Astrel Publ., CORPUS Publ., 2011, 367 p. (In Russ.)

Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo [How Brodsky's poem works]. Moscow, New literary review Publ., 2002, 304 p. (In Russ.)

Losev L. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii [Joseph Brodsky: the experience of Literary biography]. Moscow, The Young Guard Publ., 2008, 409 p. (In Russ.)

Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo. [“At the Feast of Mnemosyne”: Brodsky's intertexts]. Moscow, New literary review Publ., 2001, 462 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 22.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.